

вал, смаковал и глотал. До поезда было еще не скоро, стрелка на часах так медленно двигалась, что один час казался за целые сутки. Испарина еще больше сгустилась над черной глыбой человеческих тел и белесовато рвотным туманом застыла в неподвижности. Федька дожевав жвачку, вознамеривался соснуть, но не мог. Чей-то человеческий тюк лежал на его ноге, а утомленное тело не хотело поворачиваться, но вот из кучи копошившегося людского валежника, сквозь густой туман человеческого испарения, как раненый среди убитых, поднялся мальчик, встал перед Ильюшкой без стога и просьб, большеголовый с тонкой шеей, скуластый, с большими мутными, ввалившимися глазами, остроносый без щек. Мальчишка ни говорил ни чего, а только смотрел на Илью, мучительно, больно смотрел. Взрослые глаза ребенка, как штык-проколоты шинель, врезались в сердце, пригвоздили Ильюшку к потной холодной стене. Стало стыдно самого себя и он едва не подавился проглатывая последнюю жвачку. Заныло нутро, а в глотке першило, хотелось спросить:—Что тебе?—но вместо слов получился шопот. Эх, да зачем спрашивать? Разве он не знал что ему? Ильюшка молча ткнул ему в руки кусок хлеба и снова прислонился к сумке. Если-бы мальчишка просил словами, Ильюшка безспорно не дал бы ему ничего. Разве можно было тогда тронуть словами? Стоны и жалобы людей были так обычны, а просьбы избиты, что нужно было чем то новым шарахнуть чтобы тронуть полузаросшее звериной шерстью сердце. Илья Вирин повернулся к стенке, влип лицом в вещевой мешок и забылся в тяжелом сне, а через час толкали.

— Товарищ, товарищ, встаньте надо убрать человека! Рядом с ним лежал труп с желтым как тыква лицом, с засывшим как студень взглядом и оскалом ржавых зубов. По лохмотьям трупа ползала масса вшей. Илья поднялся и спотыкаясь через баррикады спящих людей пошел к выходу на линию.

Тошнило. Давило грудь, будто телега с грузом переехало ее. Гнала прочь страшная действительность, но от себя уйти не было сил. Голод глотку опоясал ремнем и сжимал все туже и туже. Человек захлебывался своим последним остатком жгучей крови и точно выжатый жмых, задыхаясь бежал, сжимал пустой кулак, ловил не осязаемый хлеб и в жутком страхе падал в ледяную ванну голода, корчился и умирал.

Вирин долго скитался по загаженному навозом и отбросами междупутью. После вокзального смрада отяжелевшая голова, попав на свежий воздух, кружилась как после выпитого стакана вина. Немного стало легче, но за то ветер пронизывал холодом ветхую шинеленку, а дождь немилосердно мочил спину.

— Товарищ, на какой пути составляется поезд на Курск? спросил Илья встретившегося железнодорожника.

— Вона, показал рукой назад стрелочник на неопределенные пути.